

— Он и вправду такой упрямый, до сих пор не оставил надежды вернуть любовь отца, — прошептал Цзян Хун про себя, обращаясь к Системе по поиску попаданцев.

Система ответила рационально:

— Цзян Хуайли, в конце концов, главный герой этого мира. Хозяину не стоит его недооценивать.

Не говоря уже о том, что он был любимцем судьбы, которого с детства окружали заботой и обожанием, даже обычный человек, лишившись расположения близких, видя, как те, кто когда-то души в нем не чаяли, начинают сторониться его, а то и ненавидеть, и как любое его действие подвергается осуждению, давно бы сломался.

Но Цзян Хуайли не сломался.

Они появились в этом мире, когда Цзян Хуайли исполнилось семнадцать с половиной лет — возраст, когда юноша как раз готовится к обряду совершеннолетия.

Первым, на кого они нацелились, стал Цзян Хаоянь — человек, которого Цзян Хуайли любил и ценил больше всех.

Его обожаемый отец внезапно, без всякой причины, возненавидел его и перестал поддерживать. Семнадцатилетний юноша лишь молча и подавленно просидел в своем поместье месяц, после чего вышел оттуда и начал искать причины разлада, пытаясь, подобно тому, как он делает это сейчас, вернуть отцу прежнее отношение.

Разумеется, он терпел неудачу раз за разом, но, похоже, сдаваться не собирался.

И не только отец — все окружающие начали питать к нему неприязнь и неправильно толковать его поступки. Но он ни разу не показал слабости, по крайней мере, Цзян Хун этого не видел.

— Второй дядя, не гневайтесь. Кузена отчитал сам Император, он, конечно, не в духе.

Цзян Хаоянь обдумал сказанное, лицо его сковал холод разочарования:

— Клан Цзян дал тебе всё, ты должен это понимать. Ты лишь берешь, живешь только для себя и не заботишься о судьбе семьи. Хуайли, как ты мог стать таким эгоистом!

Первым из кареты вышел Цзян Хаоянь. Бросив недовольный взгляд на слугу, он, взмахнув рукавами, удалился. Если бы кто-то чужой увидел эту сцену, он бы решил, что именно Цзян Хун, а не Цзян Хуайли, приходится ему сыном.

— Но, кузен, почему ты вдруг заговорил о именах? Наши предки давали нам их с надеждой на

лучшее, они вкладывали силы в наше воспитание, разве мы не должны нести ответственность за свой клан?

Цзян Хун с улыбкой вклинился в разговор отца и сына:

— Мое имя очень похоже на твое, кузен. Отец всегда наставлял меня, что нужно обладать высокими, как у лебедя, стремлениями.

— Вот ты — другое дело, ты всегда внимателен. Хорошо, что в особняке Цзян есть ты.

— Что это за тон! — Цзян Хаоянь пришел в еще большее бешенство.

Цзян Хуайли, который до этого не обращал на него особого внимания, окликнул его, и Цзян Хун немедленно обернулся.

Вторым из кареты вышел Цзян Хун. Он не ушел, а остался стоять у экипажа, наблюдая, как слуга с покрасневшими глазами помогает его господину выбраться наружу.

Цзян Хуайли закрыл глаза, чтобы передохнуть, и замолчал.

— Второй дядя, не тревожьтесь. Вернувшись, первым делом подайте Императору прошение о помиловании. Заверьте его, что вы лично проследите за подготовкой свадьбы Вана Лань и моего кузена. Император не станет винить вас и особняк Цзян.

Он не то чтобы не хотел объясняться — он делал это бесчисленное количество раз, но всё было впустую, особенно когда рядом был Цзян Хун.

Цзян Хун с удовольствием наблюдал за ними. Он громко рассмеялся, так, что прохожие могли слышать его слова:

— Поздравляю, кузен! Ты станешь первым в истории Дашэн мужчиной-супругом принца.

У главных ворот особняка Цзян горели фонари, их мягкий свет падал на них. Цзян Хуайли, опираясь на руку слуги, по-прежнему держался прямо. Он неторопливо произнес:

— Разве ты не знаешь, что должен идти позади меня?

Карета особняка Цзян быстро неслась сквозь ночную мглу. За окном шумел дождь, и звуки их разговора отчетливо доносились до Цзян Хуайли.

— Император, ах...

— И это тот самый главный герой, потерявший благосклонность судьбы? — Цзян Хун злорадно усмехнулся.

Он специально задержался, словно только ради того, чтобы бросить эту фразу. Сказав это, он собрался уходить, но Цзян Хуайли остановил его:

— Пстой.

Цзян Хун всякий раз приходил от этого в ярость.

Карета едва успела остановиться у ворот, как к ней подбежал слуга с покрасневшими глазами:

— Молодой господин!

Цзян Хун на мгновение замер, и этого хватило, чтобы Цзян Хуайли вместе со своим слугой прошел вперед.

Дед Цзян Хуайли — Великий наставник, отец — Глава Министерства ритуалов. Клан Цзян в своей истории выпустил немало ученых академии Ханьлин, само слово Ритуал словно было высечено на их дверных притоках.

Цзян Хун был из боковой ветви клана и младше Цзян Хуайли, поэтому в особняке он действительно должен был идти позади.

К тому же, хотя Император и лишил Цзян Хуайли титула, он не входил в чиновничий аппарат через государственные экзамены. Однако в Дашэн статус компаньона принца сам по себе был должностью, предполагавшей жалование. Цзян Хун же не только не сдавал экзаменов, но даже не имел звания сюэя, не занимая никакого поста.

С какой стороны ни посмотри, он обязан был идти позади Цзян Хуайли.

Так оно и должно было быть, но Цзян Хуну это было как кость в горле.

Цзян Хуайли всегда обладал этой способностью. Сегодня Цзян Хун пришел посмотреть на его позор, но после этого легкого замечания он сам почувствовал себя шутком, плетущимся в хвосте.

— Вся аура главного героя улетучилась, и за кого он себя принимает? — прорычал сквозь зубы Цзян Хун.

Он был уверен: Цзян Хуайли когда-то любили и боготворили в столице лишь потому, что тот обладал ореолом главного героя.

Это был мир романа под названием Тяньшэн, и Цзян Хуайли был его главным героем.

Чтение романов было одним из немногих увлечений Цзян Хуна. За десяток лет он прочел множество книг: от старых произведений про гаремы и высокопоставленных чиновников до современных жанров.

В прочитанных им историях герои всегда проходили через испытания — их жизнь была полна страданий, но они становились сильнее. Только Тяньшэн был исключением.

Главный герой, Цзян Хуайли, происходил из знатной семьи, его жизнь с самого детства была гладкой, как по маслу: любовь старших, дружеские отношения с братьями, полное благополучие.

Сначала он думал, что этот роман не из тех, где герой растет над собой, а история о падении семьи и триумфальном возвращении на вершину. Но он дошел уже до середины книги, а у героя всё еще было всё идеально, ни единой волны на горизонте!

Что это за роман без единого препятствия?

Никакого удовольствия от чтения: ни гаремов, ни завоевания мира.

У автора что, проблемы с головой? Говорят, многие писатели относятся к своим персонажам как к собственным детям, и этот неженка-автор побоялся дать своему дитя хоть капельку страданий?

Поскольку автор был новичком, а не популярным писателем, Цзян Хун, не стеснясь, оставил в комментариях десятки гневных отзывов и даже написал тысячестраничный разгромный разбор, советуя автору сделать главным героем одноименного персонажа из боковой ветви — того самого, чье имя совпадало с его собственным — и прописать путь восхождения к успеху.

А потом он сам попал в эту книгу.

Он стал тем самым второстепенным персонажем по имени Цзян Хун и получил Систему, позволяющую отбирать ауру главного героя.

Оказавшись в этом до боли реальном мире, проживая здесь жизнь, он понял, что Цзян Хуайли — это не просто бумажный персонаж, а живой человек. Все вокруг любили его, восхищались им, день и ночь нахваливали его. Недовольство Цзян Хуна персонажем постепенно переросло в неприязнь, а затем — в ненависть, в которой он сам себе не хотел признаваться.

Эта ненависть была закономерной.

Он решил: раз он попал в книгу сразу после того, как опубликовал свой разбор, значит, он был прав. Его предназначение — отобрать удачу у прежнего героя, самому стать главным персонажем и пройти путь к вершине.

Цзян Хуайли был его главным препятствием.

Больше всего злило то, что Цзян Хуайли никогда не смотрел на него прямо, всегда оставаясь высокомерным.

Чем больше он так себя вел, тем сильнее Цзян Хуну хотелось втоптать его в грязь и посмотреть, как он лишится всего.

— Посмотрим, долго ли ты еще будешь улыбаться, — прошептал Цзян Хун, стоя у ворот. Представляя себе картины будущего, он расплылся в довольной улыбке и мысленно обратился к Системе: — Давай-ка посмотрим, кто будет следующим.

Цзян Хуайли, опираясь на слугу Цзян Аня, направился в свое поместье.

Он шел как обычно, лишь лицо его было бледным, как бумага, а на лбу выступили капли пота.

К нему поспешно подбежал слуга и поклонился:

— Молодой господин, старый господин велел вам сегодня ночью идти в родовое святилище, встать на колени и хорошенько подумать о своем поведении.

Старый господин — это дед Цзян Хуайли, Цзян Шаогуан, бывший Великий наставник. Он ушел в отставку, но его влияние было столь же велико, как и в те времена, когда он был учителем императора.

Цзян Хуайли предполагал, что дед не одобрит его действий, но не ожидал, что тот, даже не став расспрашивать, сразу отправит его в святилище.

Цзян Ань от возмущения едва не плакал:

— Молодой господин уже столько времени простоял на коленях, как можно снова туда идти!

Он с мольбой вцепился в слугу деда:

— Посмотрите сами! Он же во дворце уже до крови колени стер!

Слуга лишь скривил губы:

— Мне ты хоть что говори, я лишь передаю приказ.

Цзян Хуайли сказал:

— Идем в святилище.

Когда слуга ушел, Цзян Ань продолжал возмущенно шептать:

— Господин, вы правда не можете больше стоять, давайте не пойдем в святилище.

Цзян Хуайли с легкой улыбкой ответил:

— Кто сказал, что в святилище обязательно нужно стоять на коленях? По ночам там никого нет.

Цзян Ань замер.

Цзян Хуайли посмотрел на его покрасневшие глаза и рассмеялся:

— Хорошо, что мы идем туда, иначе сегодня в наше поместье нагрянет куча народу. Иди принеси еды, сегодня ночью мы как следует отдохнем в святилище.

— Хорошо! Я только доведу вас и сразу пойду.

Цзян Ань понимал, что господин не ел уже более восьми часов, и сильно волновался.

Цзян Ань порой был неуклюжим, но в уходе за господином знал толк. Не прошло и четверти часа, как он принес не только горячую еду, но и горячую воду с мазью.

— Господин, поешьте, а я осмотрю ваши колени. — Он вложил в руки Цзян Хуайли горячую лепешку с финиками.

Цзян Хуайли сел на подушку и вытянул ногу.

Стоило ему откусить кусочек, как на его ногу упала слеза, за ней вторая, третья. Цзян Хуайли опустил голову и увидел, что Цзян Ань тайком вытирает глаза.

Цзян Ань с детства был плаксой.

Когда Цзян Хуайли было семь лет, Цзян Хаоянь взял его выбирать себе слугу. Среди множества шустрых мальчишек он увидел ребенка лет четырех-пяти, который забился в угол и тихонько плакал.

Оказалось, что в его родных краях был голод, мать и старший брат умерли, и отец продал его.

Цзян Хуайли выбрал его. Цзян Хаоянь поначалу был против, но, увидев, как сын привязался к мальчику, уступил.

Цзян Хуайли привел его в особняк и дал имя Ань.

Цзян Ань действительно был не слишком смышленным, в первое время боялся всего, но за десять с лишним лет стал гораздо живее, и плакать стал реже.

Цзян Хуайли уже давно не видел, чтобы он так сильно плакал.

Он посмотрел на свои стертые колени. Рана была неглубокой, но из-за белой, как фарфор, кожи синяки и кровь выглядели пугающе.

— Простите, господин. — Цзян Ань, осознав, что ведет себя не подобающе, начал осторожно вытирать слезы и кровь горячим полотенцем, а затем принялся смазывать раны мазью.

Когда он хотел убрать руку, Цзян Хуайли перехватил его запястье.

Цзян Ань в недоумении поднял на него глаза:

— Господин?

Цзян Хуайли тут же разжал пальцы и улыбнулся, успокаивая его:

— Ничего страшного, это пустяки.

— М-м, я знаю. — Цзян Ань принялся полоскать тряпицу. — Вот взять сегодняшний случай. Хотя старый господин и разгневался, и дед недоволен, всё же есть люди, которые на вашей стороне.

— Господин, вы не знаете, но когда Император вызвал только отца, молодой господин Хун сказал, что беспокоится о вас, и поехал вместе с ним. С ним рядом точно ничего плохого не случится.

Юноша, полоскавший полотенце, постепенно замедлил движения и нахмурился:

— А ведь на пороге вы не должны были так унижать его. Все-таки одна семья, это было немного чересчур.

Длинные ресницы Цзян Хуайли едва заметно дрогнули.